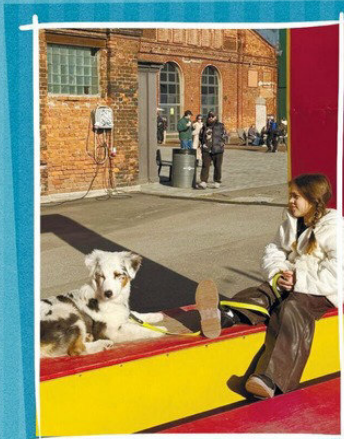
18+

Наталья Дерябина

РАССКАЗЫ И ИСТОРИИ

ПРО ДАШУЛЮ,

которая и здесь и там одновременно, потому что очень быстро бегает

Наталья Дерябина

Про Дашулю, которая и здесь и там одновременно, потому что очень быстро бегает. Рассказы и истории

https://litres.ru/73875081
ISBN 9785449679598

Аннотация

Воспоминания журналиста о работе в редакции, об интересных людях, о жизни, творчестве, семье, любви, путешествиях и приключениях.

Содержание

Про Дашулю	5
Мы едем к морю,	6
Беседы с внученькой, ох…	11
Наш любимый голубоглазый малыш	13
Стройка века	15
Это было давно…	17
Представь, что это «ля»…	25
Великое осеменение!	28
Родившийся под звон колоколов	31
У нее горели волосы…	34
Надежда	36
Десять лет спустя	39
Очень много солнца на горячем песке…	46
Жили-были Маруся и Арсений	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Про Дашулю, которая и здесь и там одновременно, потому что очень быстро бегает
Рассказы и истории

Наталья Дерябина

Моим родителям Марии и Иллариону, родившимся 100 лет назад.
Дочке Маше и внучке Даше.

Издание 2-е дополненное

© Наталья Дерябина, 2026

ISBN 978-5-4496-7959-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Про Дашулю которая и здесь и там одновременно, потому что очень быстро бегает…

Сначала ее вообще не было. Но о ней уже все знали.

Знали, что она скоро появится на свет и верили, что будет она очень умная, красивая, добрая, любознательная, изобретательная, талантливая, что все будут ее любить, и она будет любить все и всех вокруг, и людей и зверей, и котов, и кошек, и мышек, и собак, и жирафов, и павлинов, и дельфинов, и птичек самых разных, и даже придуманных ИИ (искусственным интеллектом, если кто не в курсе), но тоже очень милых созданий, и персонажей из сказок, из снов щеночка, спящего под боком у Дашика, из бабушкиных и дедушкиных детских воспоминаний и просто фантазий, из того, что намурлыкал котик, нащебетала синичка, заглянувшая в форточку, из того, что принесло ветром из далеких стран и с дальних планет…

Многое из того, о чем нам всем мечталось, сбылось, и это замечательно, это классно!

Мы едем к морю, к морю, ух!!!

Как одна мама с дочкой, с бабушкой, с дедушкой, внучкой, с котиком и двумя песиками, по серпантину к морю добирались..

Уже сам состав неординарной такой компании вызывал много вопросов, если не сказать нервный шок.

А догадались, кто машину вел? Ну ясное дело, что именно молодую маму вдохновила эта идея — а не прокатиться ли нам к морю всем вместе? В недавнем ее прошлом она тоже сомневалась, получится ли ее рискованная поездка в Монако… на восьмом месяце беременности (по секрету и только вам говорю!) … Но ведь все случилось и получилось неплохо. Так почему же «нет» сейчас? Дорога в Гагры ей была знакома, правда, не как водителю, они с мамой на автобусе туда добирались в ее детстве и не однажды.

Сейчас правда ситуация была совсем другая… трехлетняя дочурка постоянно под руку трендела: «Мама, а куда мы едем, а когда мы доедем?», песики нервно лаяли и выли на все, что двигалось мимо, бабушка вообще боялась глянуть в окно, где казалось, что прямо навстречу по узкой дороге серпантина несутся огромные грузовики, а остановятся они или нет, только Аллаху ведомо. Дедушка грустно молчал, но

давление у него все поднималось…

Перед первой остановкой пришлось долго и муторно ехать под дождем. Коротких передышек в пути от Питера, в отелях или на частных квартирах, сдававшихся в аренду, получилось четыре.

Но доехали же, вот в чем фокус и обшая удача сплоченного в дороге коллектива, потом уже мелкие проблемы скрашивало море и чудная природа юга, которая радует даже в октябре. Не слишком огорчило даже то, что неожиданно путь преградило упавшее на дорогу высоченное дерево, и причину задержки в пути надо было долго устранять.

Вообще сегодня уже трудно сориентироваться, в какую из наших поездок что именно произошло.

В самую первую — встречал нас гид, скоро ставший нашим добрым другом Василий Кот (и это не шутка, а реальное имя своячника моей в будущем лучшей подруги в Гаграх). Он опоздал на встречу с нами, но поскольку бежал с табличкой, на которой значилась наша фамилия, мы сразу поспешили его встречать.

Как сейчас вижу его развевающуюся белую рубашку… Вскоре мы с ним уже болтали как старые друзья. Дочке в то время исполнилось 11, а выглядела она старше, поскольку ростом была с меня.

Нам всем, к сожалению, не удалось избежать и на этот раз в Гаграх уже традиционной ротовирусной инфекции в той

колективной поездке (назовем ее «всей семьей»). Ну что ж, перемучились, как всегда, не болели только песики и кот.

Незабываемой получилась экскурсия в Ново-Афонскую пещеру. Мы все, разумеется, смотрели на нашу малышку, которая оказалась в пещере впервые. (Они с мамой совсем недавно к тому времени впервые побывали в метро и, улыбаясь, обе рассказывали, как Даша сразу, как только поезд тронулся, села на пол и до их станции вставать не осмеливалась, боялась упасть).

Впечатлило нас всех, конечно, и посещение Голубого озера с его безупречной голубизной, сравнимой разве что с небесными глазами Будды. Когда мы добрались до монастыря, наша девочка наконец увидела того загадочного ослика на стене храма, который как будто бы поворачивал голову к зрителю, поэтому все время смотрел нам всем прямо в глаза, куда бы мы от него ни шли.

А мне вспоминалось совсем другое время, когда мы с дочкой увидели еще и дельфина, тогда моя 11-летняя Маша в самый первый наш приезд спросила, увидев тихое без волн море: «Откуда здесь река?» Вот в тот момент мы с ней для полного счастья увидели еще и дельфина, очень редкий случай, к тому же у самого берега! Чтобы успокоиться от шока-восторга, мы тогда заглянули в кафе и полакомились обычным творожным угощением под названием «лодочка», и оно показалось нам восхитительным.

Что представляли собой Гагры в те годы, когда мы позна-

комились с этим приморским районом сразу после далекого от нас по времени локального конфликта, стоит рассказать. Это было странное и печальное зрелище и состояние — из подъездов домов выбегали или вылетали куры, в кинотеатрах вместо зрителей были кучи мусора, санатории имени разных по времени партсъездов стояли без крыш или без стен, коровы бродили где хотели и щипали траву с дороги, а заодно и цветы с клумб с одинаковым аппетитом, а может быть, и с диким восторгом…

Наша хозяюшка Ася рассказывала нам, что при сильном ветре на рынке летали не только опавшие листья, но, пардон, и детские ползунки с прилавков. Торговля всего, что обычно продают на рынках, как и продажа всяческой готовой еды и домашних закаток не очень ладилась, работники кафе еще издалека окликали прохожих, не хотят ли они чего-нибудь поесть, буквально зазывали, обещая приготовить с точностью до минут, с пылу с жару, именно горяченькое. То есть кафешки подстраивались под покупателей и едоков. Мы понимали, что момент фантастически индивидуального подхода к клиентам был уникальным и вынужденным. И как было не воспользоваться этой редкой взаимовыгодной для всех ситуацией!

Люди старшего поколения хорошо помнят те времена, когда слетать в Гагры было престижно в период полного расцвета и благоденствия известного всей России и всему Союзу курорта. «Икарусы» застаивались в пробках после въезда

в условную зону границы, а ею был мост через реку.

Беседы с внученькой, ох…

— Ну, хорошо, котя. хватит сердиться, давай уже мириться и дружить. Ты сегодня сама на себя не похожа.

— А на кого я похожа? На папу?

— Да ладно, дорогая, расскажи, что у тебя в школе хорошего.

— Ничего там хорощего нет. Никогда не думала, что надо будет всю жизнь так рано вставать, чтобы учиться.

— Так, а как ты думаешь, чтобы работать, разве не нужно вставать рано? Многие вообще ночью работают. Врачи, например, скорая помощь, полиция, весь транспорт, метро, конечно, да мало ли круглосуточных служб… Вот скажи мне, пожалуйста, ты уже думала, кем будешь работать, когда подрастешь?

— Нет еще, но, наверное, как мама буду праздники устраивать…

— Ну хорошо, может быть, еще рановато об этом. Но ты же знаешь, что и мама и папа работают каждый день, кроме выходных. И все взрослые так. Каждый день утром в школу приходят ваши учителя, в столовой всегда готовят для вас завтраки и обеды. И вахтеры встречают детей у дверей каждый день, чтобы никто, кроме родителей, не появлялся в школе из соображений вашей безопасности. И ты сначала выучишься, а потом будешь работать. Главное, выбрать

интересную тебе профессию по душе, это очень важно, милая…

Наш любимый голубоглазый малыш

Он появился у нас совсем недавно, и мы все сразу полюбили его, он и красивый очень-очень, и ласковый, и забавный, настоящий подарок для всех, как будто мы попросили его у Дедушки мороза, и он выполнил нашу общую просьбу.

И главное, нам кажется, что ему тоже у нас нравится. Он и ест отлично, и спит каждую свободную минуту, и интересуется всеми нашими делами, как будто давным-давно с нами живет. А какой он серьезный, просто удивительно! он так ведет себя, словно ему поручили отвечать за порядок в нашей семье. Он уже понял, например, что Малдер неправ, облаивая того, кто из дома куда-нибудь уходит, на работу или в магазин (это у него такая дурная привычка), и научился вежливо обьяснять ему, что лаять не надо. Малыш так ласково берет его за спинку двумя лапками, обнимает и на собачьем языке шепчет: «Не лай, пожалуйста, дружок, очень прошу тебя! ты ведь знаешь, как я люблю тебя! а знаешь ли ты, дорогой, как всем надоело по сто раз в день слышать твой лай?» Пока еще Малдер не всегда соглашается, но, наверное, скоро будет слушаться. Уж очень убедительно Будда это шепчет, он замечательный переговорщик, правда! Его и Буддой не случайно назвали за особенный серьезный взгляд. А по-

смотрели бы вы, как он котика-сфинксика нашего полюбил, он его, голого, всего с ног до головы нежно вылизывает… прямо как ребенка своего. У него оказывается такая порода редкая «аусси» (австралийская пастушья овчарка), он не лает, а воет как волк, И еще, что особенно интересно — если его хозяину грозит опасность, он будет самостоятельно решать, как ему поступить… Вот какой отважный! С ним рядом ничего не страшно, он будет нашим защитником, когда вырастет…

Стройка века

Там был активный рабочий ритм,
базар и суета,
и днем и ночью.
копали и возили трубы.
Там все скрипело,
грохало и брякало,
валилось и трещало.
И разумеется, когда такое дело,
все беспрерывно «поминали маму»,
как и положено в труде азартном,
с огоньком и выпивкой.
Когда же наконец
отмашку дал
руководящий
той малой стройки века,
которая дожить до коммунизма
почему-то не смогла,
вздох облегчения
от всех окрестных жителей.
как гром небесный, раздался
и стал слышен далеко,
по всей Руси великой;
«А че так тихо стало, люди? случилось что?»
Забавнее всего, что как по волшебству,

как в сказке, ну прям чуть ли не мгновенно
преобразилась
та потрясающая «стройка века» (бывшая)…
и там теперь асфальт уже,
и мамочки коляски покатили,
и бегуны, не ведая забот,
бегут себе, куда глаза глядят…
А ведь никто не верил,
что это вообще
вдруг может
прекратиться
хоть когда-нибудь!

Это было давно…

Работа в редакции после института, после зажатости в жесткие решетки семинаров и экзаменов, после круглосуточного пребывания в библиотеках с шоколадкой и печенькой в сумке на случай голодного обморока, после тонн и столетий всемирной литературы, которую преподы насильно впихивали в наши ветреные и постоянно влюбленные головы, казалась мне такой бесконечной радостью… Даже подумывала иногда: ведь это я должна платить за такое счастье вольной жизни. А платили мне. Простенькую такую, одинаковую у всех, как одежда у китайцев, зарплату в восьмидесятые годы прошлого столетия. У всех советских людей с высшим образованием — 100—120 рублей… Хотите верьте, хотите смейтесь.

Столько сразу появилось друзей, приятелей, подружек, кроме просто знакомых по делу, нечаянно встреченных, пересекавшихся, сопутствующих, содействующих, помогавших, подвозивших, а иногда и завозивших, куда мне совсем не надо было. Немолодые сотрудники сельской газеты постоянно со значением передавали мне приветы от незапомнившихся мне саш, вов, сереж, а иногда и викторов ивановичей, надеясь, что вот уж этот добрый молодец с приятным голосом наконец остановит мой сумасшедший бег по командировкам, на которые я соглашалась не задумываясь ни се-

кунды, в отличие от них, отягощенных ревнивыми мужьями, женами и заботами о детях. Относились ко мне как к сыну-дочери полка, почему-то все сразу полюбили, опекали, учили, похваливали за удачные статейки, просили с ходу придумать заголовки для их опусов, что с ходу неплохо получалось, оберегали и подкармливали, наивно полагая, что мой очень легкий вес сдвинется с отметки 52 кг, а иногда посылали в ближайший магазинчик за винцом, поскольку в сравнении с ними я еще ничем не скомпрометировала себя в глазах продавцов, и к тому же, мне их мнение было по фигу… Сотовые телефоны еще не изобрели, я постоянно куда-то уже отбыла или откуда-то не прибыла, и отсутствовала даже на планерках, но тем не менее все мы удивительным образом находили в ту пору друг друга без мобильных, если это было для чего-нибудь действительно нужно. Сейчас в это трудно поверить.

Те первые два года на свободе после института в сельской редакции были так переполнены эмоциями и событиями, что я до сих пор вспоминаю о них с удивлением — ну не могло все, что я пережила, увидела, узнала и переосмыслила, вместиться в такой короткий срок моей жизни…

Я пытаюсь взять интервью у самой себя: давай, колись, что там у тебя было супер-интересного? Сравниваю себя с моей дочкой, которая теперь уже старше той меня, и думаю что ей выпала более суровая действительность — в 21—23 года она очень непросто, через тернии, завоевывала чужой столич-

ный город, переезжала из одной коммуналки в другую, уже была замужем, работала в экстремальных условиях совсем не праздников, хотя организовывала праздники, и с такой самоотдачей, фантазией и изобретательностью, что возвращаясь домой, просто падала. Уже руководила людьми, уже водила машину — и училась рулить не на проселочной сельской дороге, как я, а в огромном забитом до отказа транспортом, очень «пробковом» городе. Ставлю рядом свой и ее выход в свет в юности и честно признаю, что мое творческое изучение жизни в условиях сельской местности можно считать санаторием… А приключения я искала на свою голову сама. И конечно, находила.

В нагрузку к работе в редакции, как выпускнице пединститута, мне дали часы в девятом классе дневной школы, и в десятом — в вечерней. А еще вести при райкоме комсомола курс «Основы коммунистической морали» («Что это вообще за ботва такая?» — спрашивала меня дочка, когда я рассказывала о своей жизни на сельской ниве. Действительно «ботва»…). И еще в комсомоле поручили воспитывать несовершеннолетнего парня, которому вот-вот должно было стукнуть 18 лет. А мне в то время был 21 год…

Что из этой нездорово активной жизни выходило, пытаюсь вспомнить.

В дневной школе подростки вели себя соответственно возрасту. Как и чем их можно было успокоить, чтобы не ора-

ли, я так и не догадалась. Кричать на них мне было не по характеру, поэтому я просто вставала у окна и сначала тихо, а потом все громче читала стихи, и они потихоньку умолкали как ни странно. После института я могла читать стихи часами. Потом дети уже привыкли ко мне, стали считать по крайней мере знакомым человеком, совершенно безвредным, поэтому сами просили почитать стихи, хоть в конце урока немножко. «А как же Вы столько стихов запомнили?» — удивлялись дети.

Кличку мне никакую не придумали: поднимаясь на третий этаж, я всегда слышала одно: «Литература идет!» Даже неинтересно… На один из своих уроков я как-то летела на самолете, допотопном, конечно, примерно на таком, который все знают по фильму «Мимино». Знакомый летчик сельхозавиации (я писала о нем зарисовку) узнал, что у меня вечером урок в райцентре и подбросил на своей летающей тарелке-этажерке. Ему потом попало, конечно, но он смог как-то отчитаться, что летал поливать не помню уже что. Я нечаянно проговорилась детям об этом полете к ним на урок, и это был опрометчивый поступок, они меня потом так доставали этим самолетом и вообще все больше о работе в газете спрашивали, чем отвечали на мои вопросы. К программе их было не вернуть.

В вечерней школе после моего урока большая часть класса смылась с занятий — пошли меня провожать. Девушки в классе отсутствовали почему-то. Видимо, все одновременно

ушли в декретный отпуск, и правильно сделали. Надо было бы мне юбку подлиннее надеть на урок что ли, да у меня других просто не было. Директор вызвала на следующий день и назидательно побеседовала. И о юбке в том числе… Разумеется, я тоже не молчала в ответ на «наезд» на мою одежду: я ж не в монастырь литературу преподавать пришла…

Самому старому из учеников на вечернем было 40. Я тогда искренне считала, что он дедушка, древний как прах. Поэтому и не пошел меня провожать и остался в классе один.

Как-то вечером я вернулась из командировки, поела и улеглась — очень умоталась за день. И вдруг меня как током: сегодня же среда, урок на вечернем! Через 10 минут! Как я успела выскочить из постели, одеться и добежать до школы, понятия не имею, но успела.

По поводу коммунистической морали вообще сейчас никому не объяснишь, что это за чудо такое. Язык у меня нормально был подвешен и говорить на любую тему могла долго и без проблем, все слушали развесив уши, но ведь никто не готовился к занятиям, хоть убейся! Никому это было ни для чего не надо. И мне в том числе. Одни мои гордые монологи, и никаких диалогов. И опять же после занятий ненужные мне провожатые находились, пьяненькие в основном. Со всех сторон и для всех бессмысленное времяпрепровождение, посиделки для отчета. А называлось это «охватить неучащуюся молодежь идеологической пропагандой».

Но самым прикольным было воспитание допризывника.

Полный бред. Худющий недокормленный парнишка находился на учете в милиции. Заблудшая душа в чистом виде. Во временном человеческом обличье оказавшаяся на земле… Мне нужно было с ним общаться, узнавать, где он бывает, с кем дружит. Фактически негласная слежка за нездоровым элементом общества, из группы риска. Я искренне переживала за него, чтобы он, непутевый сынок пьющих родителей, чего-нибудь не натворил. Спрашивала, что он читает, пересказывала какие-то книжки, но его даже моя любимая фантастика нисколько не зацепила, он вообще ничего не читал, в семье алкашей было не принято… Дожил до 18 лет и ничего не читал! Я и не знала тогда, что подобное возможно. В городе у меня таких друзей и даже знакомых не было. Круг нормальных людей, а тут неученый недоросль без целей и ориентиров…

Меня до пятого класса не могли усадить за чтение, все носилась как угорелая, то в мяч, то в догонялки — и постоянно все колени и локти были в болячках. А в пятом классе как засела за книги, так уж наоборот из дома не могли вытолкать, поиграть, побегать. Такой открылся удивительный мир, благодаря книгам, от которого не оторваться до сих пор…

Спрашивала воспитанника моего, в каких войсках служить хочет. А он такой простой, все на другое, на более понятное: «А я тебе вообще нравлюсь? Давай в кино лучше пойдем, или на танцы в клуб?»

Однажды стучит ко мне в окно вечером, точь в точь, как

теперь эсэмэска. Я вышла, сели на крылечко. Он говорит: «Я автомат хочу купить. Ты мне в долг можешь дать?» «Ты что, офонарел, — говорю. — Где ты его возьмешь? И зачем тебе?» «Да один кент предложил…»

Я поняла, что настал мой час воспитательной работы. Сказала, что завтра на работе займу, но только пойду вместе с ним покупать автомат. Он сразу грустным стал: «Я думал, ты мне друг, а ты все ментам скажешь!» Говорю ему: «А давай два автомата купим, тебе и мне! Так, на всякий случай! Нужная вещь…» «Ты что поверила мне? Я пошутил!»

До сих пор не знаю, что там было с вооружением — правда или выдумки… Месяца через два мальчишка в армию ушел, заходил прощаться. Не знаю, как его судьба сложилась. Явно маячило криминальное будущее, хотя кто его знает. А вдруг прорвался…

Мои первые походы за интервью выходили не совсем нормальными. То одно, то другое.

Пришла к директору молочного комбината, поговорили, узнала все, что меня интересовало, подхожу к проходной, а мне вахтер пакет большущий дает: «Вы — журналист такая-то! Вам директор велел передать». Я отказываюсь: «Я ничего не оставляла, это не мое!» «Да берите, это точно вам, вашей редакции». Я говорю: «А можно я директору позвоню?» Звоню, возмущаюсь: «Что это Вы придумали, что за подарки?» И оставила пакет, в котором была целая коробка

масла. Вернулась в редакцию, продолжая возмущаться. Все слушали меня, слушали и начали вдруг хохотать: «Ну что ж ты за дитё такое, Наталья? Надо было взять, коли дают, мы бы на всех разделили». Это что же, чтобы я хорошо написала, в смысле положительно? А если я критику наведу? Мое комсомольское сознание возмущалось что было сил…

Вскоре мне дали задание посетить кирпичный завод. Иду туда и думаю: наверное теперь кирпичи в коробочку запакуют и — в подарок.. Но тут совсем другая петрушка вышла. Я написала про это убожество, разваленный этот заводик и назвала материал: «Гофман бы не ахнул!». Меня вызвал редактор и предложил придумать другое название и вообще написать поаккуратнее. «Что это еще за Гофман? Нам сказки не нужны». Я отвечаю: «Ну это владельцем завода до революции был Гофман. А состояние сейчас безобразное, допотопное производство, все жалуются… Надо правду писать, что есть, то есть… В чем я не права?» Мариновали мой материал, да так и задвинули куда-то «в стол», как раньше это называлось. Я почти гордилась собой! Меня не напечатали! Как тех прекрасных писателей, сценаристов, драматургов, которым зажимали рты в те далекие брежневские годы, когда правда о жизни была на устах лишь на кухнях, в курилках да в анекдотах.

Представь, что это «ля»…

По поводу статьи с таким заголовком было много разговоров и разбирательств. Коллеги поздравляли с метким названием, педагоги муз. школы звонили и благодарили за то, что я наехала на администрацию, оставившую их в начале года без инструментов, а я наивно радовалась, что могу кому-то помогать с помощью своего пера. Ой ли? Все было так относительно… Пошумели и забыли. А дети по-прежнему учились играть на пианино, где большая часть клавиш не звучала, а у гитар струны свисали, как усы у сома…

Вспомнился разговор с преподавателем вуза, предложившим продолжать обучение в аспирантуре: я тогда без интереса отнеслась к этой идее, потому что уже мечтала работать в газете, где смогу реально что-то совершать на своей ниве, типа подвигов… А научная работа — какие там подвиги? Сколько уже написано этих диссертаций и кому от них радость? Преподаватель удивлялся моей непрактичности: — Вам, моя дорогая, тогда уж лучше трактористом работать, если хотите быстрых результатов — проехали по полю, и все сразу видно! Я этого тракториста потом всю жизнь вспоминала… Да, без реального результата работать я бы не смогла, но со временем стала понимать, что добиться чего-то серьезного журналист может крайне редко. Но очень хотелось… Такое время было, забюрокраченное. Показывали ви-

димость результатов, вроде «ответили, отчитались, примем меры», а что изменилось на самом деле — так глубоко никто не копал. Все это я обнаружила очень скоро, но все равно надеялась, что если как следует разъяснить ситуацию, да еще раз написать, если не реагируют, то обязательно примут меры и после этого все будут в счастье… «Смешно!» — говорю я сейчас той девочке, которая надеялась кого-то победить с помощью печатного слова. А моим немолодым коллегам вообще все было по барабану. Кто как среагирует… да что изменится… Только бы день прошел, да отметить, например, просто вторник, с винцом, лишь бы редактор не увидел… Это у меня душа по молодости горела и реагировала на неправду, непорядок и несправедливость, а у них все давно отгорело.

Однажды из-за меня вышла в номере ошибка. Я очень переживала, потому что написали в газете: «по вине сотрудницы газеты такой-то…». И дальше: следует читать не 34 тонны, а 3,4 тонны. Это один тракторист столько сэкономил ГСМ — фантастические тонны! А мама моя посмеялась, прочитав это и очень меня поддержала, когда я приехала на выходные домой: «Да у тебя неожиданно получился замечательный материал. Ты народ повеселила в своей скучной газете, радуйся! Почитай-ка, как это смешно. И не горюй!».

Жила я на квартире у сельской пенсионерки, вдвоем с одной девушкой. Девушка была разведена, маленький сынок ее жил у родителей в соседнем селе. К пенсионерке частенько

захаживал знакомый, веселый такой дедок. Под одной крышей было нас трое одиноких женщин. Однажды в воскресенье утром нам кто-то вымазал дегтем ворота. А может, и не дегтем, а черным чем-то… Наша хозяйка расплакалась: «Девочки, давайте покрасим ворота! А то стыд какой!» Домик стоял на горке и мимо, чуть пониже, шла дорожка к зданию сельсовета. То есть, мы на самом виду. Кто сделал нам это «доброе дело», мы так и не узнали… Мне в редакции сказали: «Не переживай: нашему писателю Борису Жилину тоже как-то намазали ворота. Это его завистники сделали, потому что он смело пишет о недостатках». Ничего себе, думаю. Попали в число борцов за справедливость. А ведь раньше мазали ворота гулящим девушкам… Разве поймешь эту деревню!

Великое осеменение! Плодитесь, родные!

Не знаю, о чем думал мой редактор, когда предложил такую натуралистическую тему городской девчонке, только что выпорхнувшей из стен романтического филфака. Но простим его, он просто, видно, устал от жизни. А если бы он еще знал, безжалостный, как панически я боюсь гусей! С детства боюсь, с первой поездки в деревню в пятилетнем возрасте. Они тогда казались мне огромными и всегда шипели и все время норовили ущипнуть. Приходилось кому-то из взрослых провожать меня по дворику.

Так вот, прибыв на ферму, я настолько добросовестно вникла в тему, записывая в блокнот, что думают специалисты на такую животрепещущую тему, как осеменение, что сама часа через два стала не менее крупным специалистом в этой узкой области науки. Мне не только рассказывали, но и все показали, как это происходит, и жаловались на трудности в своей работе. И предложили взять интервью у осеменатора, с которым мы отлично нашли общий язык. Впоследствии на разных семинарах и конференциях я уже настолько притерпелась к прослушиванию разного бреда по местным сельхозтемам, что не моргнув глазом записывала дикие речи чабанов: «Я могу с гордостью доложить, что не только осе-

менил свое стадо, но и помог соседу, товарищу Магомедову». Это уже касалось овец. Или еще был классный перл: «Я повысил яйценоскость наших несушек на 200 процентов!». «Ну какой же ты молодец, парень! — Хотелось парировать. — Но все ли у тебя в порядке с головой?»

А я тем временем отправилась на ферму к телочкам, чтобы рассказать своим читателям, как их, бедных, лишили естественной любви с беспородными бычками и всех коллективно пустили под одну гребенку, то есть, под одного породистого бычка-производителя из соседнего совхоза, которого они в глаза не видели. Проблема была в том, что не хватало осеменаторов, и мне предлагали через газету бросить клич среди комсомольцев — освоим новую перспективную профессию! Ну что же, надо — бросим!

Наконец, редактор, начитавшись моих жизнеутверждающих статей о великом осеменении всего на свете, смекнул, что хватит уж, наверное, грузить меня одной темой, а то я не дай бог уйду в науку или в осеменаторы или… в декрет. И послал рассказывать о строительстве дорог. Он естественно подзабыл русскую литературу и не совсем представлял себе, что я за фрукт, и не ожидал, что я в своем материале не только о дураках и дорогах вспомню, но и Гоголя буду цитировать.

А для начала я поехала в управление строительства дорог и, отплевавшись от пыли на большой дороге, остановила огромную такую машину под названием скрепер, и спроси-

ла здорового мужика, запыленного как будто он не человек а памятник: «Дяденька, а где мне Кузьмина найти?» на что он ответил: «Какой я тебе дяденька, мне 22 года! Ну я — Кузьмин! И что?»

Вот так я и работала на ниве сельского хозяйства…

Родившийся под звон колоколов

У кабинета главврача была небольшая очередь. Я подождала, посидела на стуле. Когда вошла, представилась, объяснила, что хотела бы написать об уникальных операциях, с помощью которых врачи возвращают инвалидов к нормальной жизни, буквально ставят их на ноги.

Александр Михайлович выслушал меня, потом спросил:
— Вы кто?

Я поняла, что его мысли заняты другим и снова все повторила. И опять он спросил меня: — А Вы кто? Я оперировал кого-то из Ваших близких? Напомните фамилию…

— Наверное, я не вовремя… Когда лучше прийти, чтобы мы поговорили? Мне нужно сделать интервью для газеты.

— А-а… журналист… Завтра в 8 утра можете?

Назавтра было воскресенье, к тому же Пасха. И в восемь утра я предполагала досматривать сны. Но сразу ответила как ни в чем не бывало:

— Конечно. Спасибо. До завтра.

Когда заглянула утром в его кабинет, увидела совсем не то, чего ожидала. Рабочий стол был застелен скатертью и заставлен тарелками и пакетами с овощами. А доктор резал огурцы. Левой рукой.

Оценив обстановку, я засучила рукава, взяла второй ножик и стала резать помидоры. За полчаса мы успели при-

готовить стол к приему гостей и поговорить обо всем, что я хотела узнать. И даже больше. Мне сказочно повезло. У доктора был день рождения, и он готовился угостить сотрудников. Родился 50 лет назад тоже в день Пасхи. Утром, под колокольный звон. Само появление на свет в такой редкий день и час подарило ему особенную судьбу. Служить добру и людям. У него просто не было выбора. В какой-то момент жизни он, конечно, сам это осознал наверное. 15 лет проработал рядом с известным чудотворцем Илизаровым. Потом приехал в город на Волге. И творил такие чудеса… Дай Бог каждому, только не каждому такое дают.

Верующий человек. Молился святому Луке перед операциями, а иногда и во время их — спрашивал, что делать: человек уходит… отпустить? или помочь остаться… Ждал ответа и всегда следовал совету. Менял судьбы людей по обдуманному и выверенному решению. Нескольким подросткам-колясочникам помог не только встать на ноги и выбраться из четырех стен, в которых они томились, но и нашел профессию, вернул в социум. Вытягивал ноги, руки, укладывал на одну операцию, на вторую, третью, чтобы эти ребята могли начать ходить, держать в руках ручку или хотя бы сумку, чтобы работать и зарабатывать. Я видела их в больнице — юноши и девушки с диагнозом ДЦП мыли полы, работали санитарами и… были счастливы, что могут быть полезными, гордились тем, что наконец их никому (и им самим) не нужные конечности пригодились…

Недавно узнала, что этот редкий уникальный человек умер. От сердечного приступа. На ходу. На работе. И никто почему-то не успел помочь. Как он сам говорил, «ушел». «Оставленные нам их чувства не умещаются в гробы»… Это про него.

У нее горели волосы…

Я со страхом шла в гости к Светлане, потому что знала ее историю. При взрыве на городском рынке погибло и пострадало много людей. Некоторые стали калеками. Света лишилась обеих ног. Примерно за год до случившегося у нее один за другим умерли мама и муж. Они остались с сыном-подростком вдвоем.

Я буквально подталкивала себя к ее подъезду: давай, не трусь, вперед!

Но когда вошла, услышала приветливый звонкий молодой голос и вздохнула, как будто зашла поболтать к подружке. Она буквально летала по квартире в удобной коляске — из прихожей, где я переобувались в тапки, то на кухню, то в гостиную, накрывала на стол, чтобы угостить меня чаем. «Видишь, какая удобная коляска, я и полы мою, и в туалет, и сама моюсь в ванной теперь. Привезли добрые люди! Даже стену на кухне покрасила! Я потом скажу фамилию тех, кто мне помогал, кто перестроил квартиру, чтобы я могла выезжать не через подъезд, а сразу на улицу. Обязательно в газете напишешь, ладно?» Два часа рядом с ней пролетели как мгновение. Жизнерадостная, сильная, доброй энергии — целый вагон. Мы улыбались и смеялись. Мы болтали обо всем на свете. И она ни разу не всплакнула — может быть, она столько плакала в самом начале, что слезы у нее навсегда за-

кончились… Я не знаю, какие такие силы держали Свету на этом свете после пережитой трагедии. Но держали крепко. А плакала не она, а я, когда шла от нее по улице к автобусу и вспоминала, как она с гордостью показывала мне свои яркие, солнечные рисунки — раньше вообще не брала в руки краски, а тут вдруг открылся талант… Как она простодушно советовалась со мной: «Ты думаешь, не очень это будет смешно или глупо, если я в машину возьму ноги от манекена — как будто они есть, и пристрою их к сиденью, чтобы не пугать уж так сразу инструктора. Мне же машину подарили, и я теперь буду учиться водить… Представляешь, сама буду везде ездить. Как раньше ходила…»

Надежда

Они вошли в редакцию в теплых пуховиках и шапках шумной группой и казалось заполнили все наше небольшое пространство своей энергией, громкими голосами и оживленной сутолокой уличной толпы. Они принесли с собой ощущение справедливого митинга и протеста, к которому не раздумывая хочется присоединиться. Им надо было высказаться и немедленно. И мы слушали с радостью, понимая, как они правы и какие они молодцы, что готовы бороться. Это было время, когда учителя и врачи подались в малый бизнес на рынки городов, чтобы продавать шампуни, одежду и прочий ширпотреб и таким образом прокормить свои семьи. Движение интеллигенции в незнакомую сферу давалось с трудом и с боем. В те 90-е годы поддерживать «яблочников» и голосовать за Явлинского было в духе очередного смутного времени очередных перемен такого богатого событиями и уже уходящего 20-го века. Чтобы проголосовать за Явлинского, я не пожалела пляжного дня в Стамбуле, чтобы вместе с маленькой дочкой отстоять длинную очередь в консульстве и отдать свой голос. Таких политически активных российских туристов оказалось очень много.

Никто не знал, что будет с нами дальше, но все понимали, что настоящий момент нехорош и нестабилен, и с этим надо что-то делать. «Верхи не могут, низы не хотят»… Тень

вождя пролетариата с его вечной формулой переживаемого страной момента вновь маячила на горизонте. Симптомы кризиса были очевидны, мы в нем уже жили.

Среди наших гостей, появившихся в тот зимний вечер в редакции, были люди, с которыми нас свела судьба не на день, не на неделю. Кто-то из них стал нашим постоянным корреспондентом, кто-то героем многих публикаций, благодаря им мы из первых рук узнавали о том, что происходит с этим самым «малым бизнесом» и пытались ориентироваться в сложных взаимоотношениях власти и революционно настроенного народа и писать об этом.

А для меня это был день встречи с новой подругой, редким талантливым человеком, дружбе с которой я радуюсь вот уже двадцать лет. Ее врожденную интеллигентность я бы почувствовала и за сто верст.

…Она не захотела умирать, когда ее выписали из онкологии. Она боролась, решив, что не имеет права оставлять четырех сыновей без мамы и… перевернула тяжелую страницу в своей жизни, словно родившись заново. В другой раз через несколько лет она пошла к Матроне и так искренне помолилась-посоветовалась с ней, что надвигающаяся болезнь вновь отступила. А потом еще и еще — другие обстоятельства и преграды, как огромные волны, которым, казалось, нет отпора, возникали на ее пути. Но… она продолжала идти им навстречу, не склоняя головы. А может быть, все дело в сыновьях, которым она дала жизнь? Они всегда как бы под-

талкивают ее вперед своей мужской силой и энергией?

Мне представляется, что она интуитивно чувствует, какое решение, единственно верное, следует принять в данный момент. В молодости, когда от приступа чуть не умерла ее сестренка, незадолго до болезни ставшая мамой, она послала в Москву ТАКУЮ телеграмму, что в небольшой город Казахстана прибыл самолет, «безнадежную» сестру увезли в Москву и спасли. Никто не верил, в спасение, а она верила…

Или имя дает ей такую жизненную силу? Надежда… Она умеет убеждать мягко, спокойно, с достоинством и уважением к собеседнику, даже если перед ней враждебно настроенный человек. Злые и слабые люди отступают перед ее добротой как перед скалой. Они, видно, боятся того неведомого, чего у них нет и быть не может. Нет, не так: они неожиданно чувствуют, что в них рождается что-то новое, чего они не знали в себе — щедрость и отзывчивость…

Мы давно съели вместе пуд соли, но почему-то я не помню, что когда-нибудь мы обсуждали вопросы быта. Она живет на какой-то своей планете, где быта нет, где все мечтают, планируют, фантазируют, путешествуют, радуются жизни, учатся чему-то новому, учат других, рожают детей, растят внуков… Как никто другой из всех, кого я знаю, она ведет корабль своей судьбы без малейшего страха напороться на рифы (потому что ведь и это потрясающе интересно!). Я только удивляюсь… желаю ей счастья и молюсь за нее.

Десять лет спустя

Сначала о минусах. Их стало гораздо меньше с тех пор, как мы переехали в Питер и все начинали с нуля… Их просто не стало, их нет уже давно — вот такой фокус.

Ну тогда сначала о плюсах. О самых больших плюсах нашей нуль-транспортировки из одного города в другой… Они почему-то все большие. Огромные такие… Как Исаакиевский собор.

Вспоминаем ли мы о тех проблемах, которые казались неразрешимыми? Нет! Ведь каждая из них становилась не просто ступенькой, на которую мы с трудом взбирались, уже думая о следующей, а радостью: мы шагнули дальше, мы смогли!.

Тогда о главном. Что было бы, если бы мы остались там, где жили раньше? Вопрос конечно, некорректный. И все-таки…

А было бы что-то другое… темно-серого цвета.

Без белых ночей, без Невского проспекта, без мостов, дворцов и бесконечной Сосновки.

Без Барселоны и Валенсии, без Парижа, Амстердама, Стокгольма, Будапешта, Праги, Кипра, без финки и Сестрорецка, Невы, Ладоги, Павловска, Кронштадта и Петергофа, без Луги, Агалатово, Вырицы.

Без Дороги жизни.

Без педсовета в Рощино после полуночи, когда дети в лагере делают вид, что спят в июльские белые ночи, а мы, воспитатели, считаем ноги подростков под простынями: фух, вроде все на месте…

Без Арсюши, Костеньки и Лизы, Без Киры и ее прекрасной музыки. Без Нади, Славы и их ласковых детей. Без приобретенной здесь, но тем не менее самой родной сестренки Наташи, ее неповторимых кошек, и рассказов об обожаемом океане.

Без кисы Леси и без спаниеля Малдера, который видит уток во сне и храпит под одеялом.

Мы так и не узнали бы, что такое черника и как загорают настоящие петербуржцы — в пальто, лишь чуть-чуть приподняв подбородок к солнышку… Причем, где угодно — на остановке автобуса, на светофоре…

Я только представила себе, что всего этого могло бы не быть в моей жизни, и стало так горько-горько до слез, как будто кто-то собирается все это отнять у меня… Но я не отдам!

Сама себе пытаюсь объяснить, как изменилась моя жизнь за эти 10 лет.

Первую зиму я проходила в осенней куртке и дырявых сапогах, даже не планируя купить новую обувь и одежду, потому что покупка стоила бы целое состояние, которого просто не было. Возвращаясь домой по всегда холодным темным и всегда мокрым улицам, я часто плакала, мечтая о том

счастливом времени, когда не будет долгов и покупка самого скромного подарка Маше не оставит меня на неделю без ужинов (вообще-то на ночь есть вредно…)

Перед моей апрельской поездкой в Будапешт в этом году мы с Машей как жены олигархов горячо обсуждали вопрос, какой расцветки лак лучше выбрать для моих ногтей, чтобы подходил ко всей одежде и к кольцу и к браслету… При этом вдруг одновременно начали удивляться — до чего же мы дожили оказывается… Фу! Даже противно.

Во второе питерское лето я непонятно как совмещала очень интересную, но почти бесплатную работу в издательстве с ночными сменами в сауне спортивной школы (разумеется, изобилующими пьяными компаниями, не без проституток и не без вызовов милиции), с педагогической деятельностью (Арсюшу мне подарило милое объявление в газете «ищем очень хорошую няню для очень хорошего мальчика», а Костеньку — Кира и Раечка, которые неожиданно разглядели во мне недорогую, быстроногую и преданную помощницу, при этом образованную). После ночных смен я иногда сразу же ехала на автобусе на дачу к Арсюше, по дороге редактируя книгу о необыкновенном итальянце, ровеснике французской революции, журналисте, который 50 лет прожил в Италии и еще 50 в России. Такая удивительная судьба… Если же возникала возможность просто поспать, я приезжала домой и как убитая сваливалась на кровать, при этом репетиция ансамбля флейтисток в соседней комнате

нисколько не мешала мне заснуть… В начале сна мне чудилось, что я нахожусь на службе в католическом соборе, а потом становилась участницей музыкальной феерии с летящей в сонме ангелов Кирой…

Сейчас у меня всего лишь одна работа домашнего воспитателя, несложная и радостная. Позволяющая не только не экономить на продуктах, но и путешествовать.

Мою симпатичную съемную комнату моя маленькая подружка Лиза всегда вспоминает с нежностью и называет «белым отелем» и мне в ней комфортно, как нигде прежде, во всех отношениях. Тем более, что сравнить есть с чем. Когда я только перешла жить к Кире, в квартиру, которую не ремонтировали 40 лет, я пыталась что-то отмыть и отчистить, но удавалось это с трудом. Одно получилось сразу и все знакомые моей подруги это заметили. Они стали спрашивать, кто помог ей перестелить линолеум на кухне, на что она отвечала вальяжным голосом Фаины Раневской: «Да это Наташенька так хорошо помыла полы, и они отчего-то вдруг сделались из серых зелеными».

Попытки вывести тараканов из Кириной квартиры всегда оканчивались провалом, а поскольку желать термоядерной катастрофы им и всему человечеству как-то не хотелось, я в конце концов смирилась. Но когда выяснилось, что вдруг завелись еще и клопы, которых я увидела впервые в жизни, мне совсем поплохело. Надо было принимать экстренные меры, несмотря на то, что меня эти мелкие твари почему-то не ку-

сали. Отослав Киру ночевать к подруге, я развела отраву на ведро воды и взялась за дело при открытых окнах. Мало того, что жутко простудилась, поскольку был октябрь, надорвала спину, ворочая диваны и кровати, спать пришлось в ванне, куда я сложила все подушки. Запах так до ночи и не выветрился. Уснуть я не смогла, и в полудреме ко мне несколько раз приходил волк: он не трогал меня, просто заглядывал в дверь, но я отчетливо видела его желтые глаза и было жутко. С первого раза клопы не вывелись, пришлось все повторить снова.

А теперь о приобретениях, которые для меня важнее всего. Они не касаются материальных аспектов жизни. И лучше назвать их Обретениями.

Примерно год назад, путешествуя вдвоем с дочкой по Испании — без турфирмы, самостоятельно, как настоящие европейцы, мы вдруг поняли, что стали лучшими подругами. Причем, я считаю ее более мудрой, более сообразительной и трезвомыслящей. Я как будто встретила и сразу полюбила этого ужасно интересного мне человека совсем недавно. Хотя отлично помню и тот момент около полуночи, когда спеленутую новорожденную куклу с биркой на ручке положили недалеко от меня, чтобы я могла полюбоваться своим произведением.

Я вижу в ней лучшие черты своих любимых родителей и чувствую, что именно передали ей прекрасные прабабушки и прадедушки, которых она не знала…

Она хулиганка и жизнерадостный любознательный ребенок. Этого не отнять и это в ней останется навсегда. Чтобы переключиться после тяжелого мероприятия, она может ехать в машине с открытыми окнами, с матюкающимся во все горло Шнуровым или рычащим Шевчуком или с пугающе-завывающей музыкой Ханса Зиммера. Она так метко и откровенно оценивает людей, что не дай бог им услышать, хотя… Если бы они и услышали, то, немного подумав, согласились бы с точной оценкой и посмеялись бы, потому что в ней намешано много чего, но нет ни капли зла. Она рассказывает о людях так же легко, как рисует своих котов на ярких крышах — я их вижу и даже слышу, как они разговаривают (и коты, и люди).

В шесть лет она могла хранить тайну. Бабушка попросила ее не говорить мне, что упала с поставленных друг на друга стульев во время уборки. И она не проговорилась. Лет в 10, когда мы смотрели фильм о Мюнхгаузене, она вдруг спросила: «Мама, а ты — Марта?» Я не ожидала, что ребенок может понять такое… Как не ожидала и того, что она сможет так рано полюбить битлов и выучить наизусть чуть не всего Шевчука, а потом насмерть влюбиться в замудренную «Матрицу», во многие другие очень взрослые и замечательные фильмы и книги…

Одновременно с обретением лучшей подруги со мной случилось еще кое-что. Я узнала, что такое свобода — воля. Поняла вдруг, что кончилось ощущение несвободы. Я слы-

шала от подруг, как при разводе они радовались, как будто выходили из неволи, и не верила, что так может быть. Мне разводиться было не нужно, но свой выход на свободу от долгой любви я почувствовала. Полученный от судьбы срок, подарок или добровольное рабство — неизвестно что это было, но оно вдруг кончилось. Я вернулась к себе.

И увидела себя идущей по дороге, выбранной за много лет самостоятельно. Без Египта и кораллов, но зато с любимым Петербургом и Европой. Сияло солнце, на небе были мои любимые перистые облака, птицы вовсю пели. Все стало ясно, просто и хорошо.

А через некоторое время в мою жизнь неожиданно вошел новый человек. Просто открыл дверь, вошел и остался со мной. Теперь нам обоим кажется, что мы были вместе всегда.

Очень много солнца на горячем песке… Вспоминая Франсуазу Саган, прочитанную в 19 лет («Немного солнца в холодной воде»)

Он лежал на белой простынке и под белой простынкой, голый и загорелый. «Эй, ты похож на бутерброд!» — крикнула я ему. Он не ответил и даже не шевельнулся — не любил отвлекаться на глупости. Привычно и спокойно ждал меня. А возможно, спал. А может быть, сочинял статью. Я сидела без ничего на стуле, подстелив под себя его рубашку, и записывала с диктофона интервью, добавляя из головы свои впечатления, пока еще помнила детали. Посредине комнаты стояла стремянка, на ней краски и полупустые большие бутылки с квасом. Полы застелены газетами. Ремонт. Духота невыносимая, как всегда в августе. Я еще подумала: ох, как можно в такой жаре еще и любовью заниматься… Даже работать проще. Я расшифрую интервью, он сочинит в голове свою статью, да и пойдем с миром по домам… Сказать ему или обидится?

Все-таки зимой легче жить на свете. Как-то я прибежала к

мосту, спустилась по лесенке на остров. Идти было скользко — снег таял под ногами. Издалека увидела его костер. Он сидел на удобно поваленном дереве, поджаривал сосиски. Подвинулся, повернулся, чтобы чмокнуть и обнять меня. Мы почти ничего не говорили, а может быть, говорили и даже много, но я помню только, что через несколько минут он вдруг сказал: пора уходить, уже 6 часов. «Как шесть? — не поняла я. — Три часа прошло? Не может быть!»

Однажды мы забыли закрыть дверь в номере гостиницы. Пришли еще засветло, а уходили утром. В комнате из «удобств» имелся только телевизор. Об этом с гордостью сообщила горничная, а возможно, администратор. Телевизор показывал какие-то полоски, а иногда в них врывались новости и обрывки фильмов. У нас была вкусная колбаса с хлебом и пиво. И нам было очень хорошо и уютно той ночью. А в незапертую дверь никто не постучал.

— Пойдем к тебе?

— Нет, я тебя провожу. Очень устал — ты же видела — еще и переводить пришлось, с английского на немецкий, с французского на английский… Перегрузка. Я щас просто вырублюсь. Ничего интересного не будет.

— А мне не надо интересного. Я соскучилась. Просто полежу с тобой. После такого дурдома прислониться хочется.

— Ну пошли. И пожрать у меня нечего…

— Да сготовлю, не бойся…

Он и правда сразу уснул. А я лежала, прижавшись к его спине и никак не могла остановить летящую перед глазами ленту прошедшего сумасшедшего дня: люди, люди, разговоры, вспышки фотокамер. Все что-то спрашивали, отвечали, торопились, толкались, включали и выключали диктофоны. Суета сует… А потом, насытившись информацией, отваливали с форума в свои редакции, чтобы все успеть отразить, выразить и высказать, а утром поразить читателей своей добычей, своими суперскими новостями, из самых первых рук. И разъезжались домой в свои норки.

Мы лежали в нашей общей норке, и я думала, какое это счастье, когда тебя называют: моя любимая девочка, и совсем это не смешно. Утром я почувствовала, как он потрогал мою холодную спину и ноги, как у ребенка, и заботливо укрыл одеялом. А я придвинулась к нему близко-близко и стало очень-очень тепло, и он был таким отдохнувшим и нежным…

Волны перекатывались через волнорез и обрушивались вниз с таким оглушительным грохотом, что мы не слышали друг друга. Солнце уже село, но какой-то отсвет еще присутствовал непонятно где. На берегу было как-то неинтересно, как будто не видно самого главного. Очень хотелось наверх, чтобы волны были под ногами. Мы все-таки забрались туда, держась друг за друга и остановились, обнявшись, как будто

на носу корабля, летящего одновременно в море и в небо. Я забуду многое в этой жизни, но тот миг, когда впереди было только море без берегов и только черное небо без звезд, и только мы, я не забуду. И это было не все! Вдруг засверкали молнии и загрохотал гром! И еще, и еще… Как будто занавес открылся и… Мы спешили и не опоздали. Успели к самому началу представления… У Вселенной их множество, сколько хочешь. Но не всем показывают. А нам почему-то показали.

Позвонила ему по телефону: — Приходи сегодня, через часок можно.

— Да ладно, я еще недельку подожду. А доктор что сказал?

— Доктор сказал: «Ни с кем нельзя. Вообще никогда нельзя. А с тобой уже можно, и сейчас и всегда!»

— Правда? Не врешь? Что принести? Сладенькое или соленькое?

— Купи семечек по дороге, пожалста. Там бабушка такая на рынке сидит на стульчике, у нее купи. Стаканчик один возьми…

Лисенок возник из темноты внезапно, как молния. Так резко, порывисто, появляются, видно, только дикие звери. Он испугался нас и встал как вкопанный под пальмой. Мы тоже замерли, разглядывая его. Он был хорошо освещен фо-

нарем. Сначала подумали, что это собака. Хотя откуда в отеле собака? Толстый, не собачий, хвост доставал до земли — точно, дикий пустынный лис! Из Сахары прибежал зачем-то, дурачок любознательный, а скорее, просто голодный. Хургада — это же Африка… Значит, он живет в пустыне. Потом я сообразила: давай вернемся в ресторан, что-нибудь принесем ему!

Ужин еще продолжался. Я завернула в салфетку курятину, и мы вернулись к нашей пальме. Но лиса, конечно, не было. Я положила куриную ножку на землю и оглядываясь по сторонам, мы пошли в свой номер. Утром, по дороге на пляж, заглянули в укромное месте: он взял наш гостинец, умница! Каждый вечер мы стали подкармливать лиса. А по утрам находили рядом с нашим шезлонгом у моря всегда новые, не затоптанные маленькие следочки: он запомнил и искал нас, вынюхивая песок! Там мы тоже стали оставлять гостинцы. Сосиски не ел — только мясо, рыбу и курятину. Он был прав, какой же дурак, даже если он лис, станет есть отельные сосиски.

Все десять дней до самого отъезда мы дружили с коренным жителем Африки. И на прощание он показался нам еще разок, наверное, поблагодарил — тот же красивый профиль, с пушистым хвостом до самой земли. Как на картинке из детской сказки.

Мы всегда будем вспоминать Хургаду с особой нежностью: там, в пустыне, бегает по желтому песку и ждет нас,

наш маленький рыжий дружок, наш знакомый лисенок.

— Мне разрешили в твою палату. Рядом с тобой переночую после операции.

— Да я и сам справлюсь. Но раз разрешили… Я буду рад.

…Операция продолжалась 5 часов… Наркоз еще действовал. И он ничего не соображал.

— Пить хочу, где вода?

— Нельзя, хороший мой, малыш мой, нельзя, только губы помочить, вот так доктор велел.

— Дай еще, еще хочу.

— Ну немного, вот так можно.

— У меня там в носу — выдернуть хочу!

— Нельзя, не трогай, пожалуйста, котик миленький, нельзя. Посмотри, уже почти белая ночь. И небо какое, видишь, тучи после дождя зеленые какие-то, первый раз такое вижу. А с той стороны желтые… Хочешь, сказку расскажу?

— Не забалтывай меня, пить хочу, выдернуть эту гадость хочу, как они это сделали, суки? Глотать не могу…

— Все будет хорошо, малыш, попробуй уснуть…

Жили-были Маруся и Арсений
Сказка

— Что такое Исаакиевский забор?
— То же самое, что Мамаев Пурген…

Вообще-то жили они не вместе и виделись только два раза в жизни, но если посмотреть на них с далекой-далекой планеты, то окажется, что вместе и в одно и то же время.

Хотя на самом деле, совсем не в одно. В общем, все это неважно.

А началось эта сказка гораздо раньше, когда их еще и на свете не было.

В одном маленьком городе шел трамвай по зимней заснеженной улице, а за ним, в светло-серенькой шубке до самой земли, бежала одна молодая тетя. Она зачем-то хотела догнать этот трамвай. Он все шел, потому что остановка у него была в другом месте, а она все бежала, путаясь ногами в шубе… И трамвай все-таки остановился. Совсем не там, где ему было надо. И эта ненормальная тетя запрыгнула на ступеньку — ей это было ну очень-очень нужно. И она была ужасно счастлива, что это удалось.

Потом она проснулась и у нее родилась дочка. Девочка была такая маленькая, что с другой планеты ее вообще по-

началу никто не видел. Хотя она как раз и была родом с той другой планеты и там все знали и о трамвае, на который надо было успеть, и о заячьей шубе. Но на нашей планете никто об этом не знал. Даже ее родители. Они вообще понятия не имели, зачем встретились и поженились. Знала об этом только маленькая Маруся. Она-то все и придумала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.